Лев Толстой в работе над романом «Декабристы»

Аннотация: Целью настоящей статьи является реконструкция истории создания романа «Декабристы» Л. Н. Толстого в 1870-е гг. Впервые этапы создания этого произведения рассмотрены целостно, с подробным анализом становления всех ключевых сюжетных линий и образной системы. Сначала зародилась переселенческая линия (зима 1874–1875, март 1877), затем в центр выдвинулась тема трудовой крестьянской жизни (май — октябрь 1877); позднее с ними слились размышления о декабристах с темой судебной тяжбы между крестьянами и помещиком за землю (ноябрь 1877–1878). Проблема взаимоотношений дворянского героя с народом стала главным связующим фактором этих частей. Новый ракурс она приняла в сюжете с исчезнувшим лицом, повествующем о трагической смерти отца будущего декабриста, князя Гагарина (декабрь 1878 — январь 1879). Свое влияние на проблематику произведения оказали и религиозно-философские искания писателя, подготовившие обращение к «Исповеди» в конце 1879 г. Образная система романа формировалась на основе архивных документов (историческая тема) и личных наблюдений автора (крестьянская тема). Исследование работы Толстого над историческим романом о декабристах по представленному плану позволило всесторонне изучить объемный документальный, биографический и рукописный материал, ответить на главный вопрос: почему замысел монументального исторического полотна не состоялся и роман был оставлен на пике творческих исканий. Решающую роль в этом сыграл отход Толстого в данный период от уже освоенных форм художественного творчества. В жизни писателя наступала пора «Исповеди», религиозно-философских трактатов и народной литературы.

Ключевые слова: Лев Толстой, роман «Декабристы», философия истории, творческий поиск, формы художественного творчества, мировоззренческий кризис, проблематика произведения.

Информация об авторе: Сизова Ирина Игоревна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: u_sizova@bk.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 06.04.2019

Дата публикации статьи: 27.07.2019

Для цитирования: Сизова И. И. Лев Толстой в работе над романом «Декабристы» // Два века русской классики. 2019. №1. С. 104–117.

DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-104-117

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Irina I. Sizova
Moscow, Russia

Leo Tolstoy in the novel “The Decembrists”

Abstract: The purpose of this article is to reconstruct the history of the novel “Decembrists” by L. N. Tolstoy in the 1870s. For the first time the stages of creation of this work are considered holistically, with a detailed analysis of the formation of all the key storylines and imagery. First the idea of the resettlement line was born (winter 1874–1875, March 1877), then the subject of the employment of peasant life were in the center (May — October 1877); later the topics of litigation between peasants and landowner for the land and the Decembrists merged (united) with them (November 1877–1878). The problem of relations between the noble hero and the common people became the main connecting factor of these parts. This problem took a new angle in the story of the disappeared face, which is about the tragic death of the father of the future Decembrist, Prince Gagarin (December 1878 — January 1879). The religious and philosophical searches of the writer that prepared the address to “Confession” at the end of 1879, had the influence on the subject matter of this work also. The figurative system of the novel was formed on the basis of archival documents (historical theme) and the personal observations of the author (country theme). The study of Tolstoy’s work on the historical novel about the Decembrists according to the presented plan made it possible to study comprehensively the voluminous documentary, biographical and handwritten material and to answer the main question: why the plan of the monumental historical canvas did not take place and the novel was left at the peak of creative searches? A decisive role in this was played by the departure of Tolstoy from the already mastered forms of artistic creativity, which was outlined in this period. A new road was laid in the life, work and outlook of the writer. It was a time for “Confession”, religious and philosophical treatises and folk literature.

Keywords: Leo Tolstoy, the novel “Decembrists”, the philosophy of history, creative search, forms of artistic creativity, ideological crisis, the problems of the work.

Information about the author: Irina I. Sizova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: u_sizova@bk.ru

Received: April 06, 2019

Published: July 27, 2019

For citation: Sizova I. I. Leo Tolstoy in the novel “The Decembrists”. Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, no 1, pp. 104–117. (In Russ.)
DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-104-117

В 1870-е гг. интерес Л. Н. Толстого к декабристской эпохе возобновился с ноября 1877 г. (письма к Н. Н. Страхову от 11... 12 и 26... 27 ноября). В замыслах произведений о царствовании Николая I и о Федоре Щетинине (ноябрь 1877 — январь 1878) ощутимо слияние исторической и переселенческой тем. С первых чисел января 1878 г. писатель начал активно собирать исторический материал для романа о декабристах. 13 января 1878 г. в записную книжку были внесены первые заметки.

Философия истории Толстого сложилась уже в период создания «Войны и мира». Ход истории уподобляется волнению огромного моря с исторической поверхностью и глубиной. На гребни исторических волн выносятся волей случая государственные лица: императоры, министры, дипломаты, иные власть имущие, но их значительность мнима. Только народная жизнь — историческая глубина — зарождает подлинно великие победы и перемены. Народ движет историю. Поэтому целостная динамика замысла романа о декабристах в 1870-е гг. сочетает широкие обзоры российской и европейской истории 1820-х гг. со сценами из крестьянской жизни.

Эта творческая концепция оформилась к 8 января 1878 г. и не менялась на протяжении работы над произведением с 1878 г. по февраль 1879 г. Народ, трудовое крестьянство (земледельцы) представлялись Толстому идеалом общественной жизни и главным положительным героем. Развитие линии дворянского героя предполагало поиск путей сближения с народом. Отрыв правящего сословия («Олимп», «Юпитер с богами» в лице Николая I) от народа виделся главной болезнью российского общества: «И это у меня будет происходить на Олимпе, Николай Павлович со всем этим высшим обществом, как Юпитер с богами, а там где-нибудь в Иркутске или в Самаре переселяются мужики, и один из участвовавших в истории 14 декабря попадает к этим переселенцам — и “простая жизнь в столкновении с высшей”» [Толстая: 505].

Эстетическую формулу соразмерности в художественном освещении

исторических событий выразил тезис: «...Смотреть на историю 14 декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать». По свидетельству жены, писатель искал «фон для узора», и этим «фоном» могло явиться его религиозное настроение. На вопрос Софьи Андреевны: «Как же это?» — Толстой ответил: «Если б я знал — как, то и думать бы не о чем» [Толстая: 506].

Основной образ положительного героя-дворянина, способного по убеждениям противостоять правящему «Олимпу», «богам» во главе с «Юпитером» Николаем Павловичем, определился за короткий период — с января по февраль 1878 г. Сначала это был тип В.А. Перовского (<«Князь Федор Щетинин»>). Затем на передний план выдвинулись декабристы, в оценке автора — лучшие представители передового дворянства. На разных стадиях создания романа намечались два типических характера. Первый — это молодой человек, случайно вовлеченный в заговор. Ко второму был отнесен представитель декабристского круга, не состоявший в тайных обществах, но близко знавший мятежников. Толстой остановил свой выбор на рядовых представителях движения, а не на ключевых его фигурах. Поэтому главные герои происходят из семей Сомовых, Карцовых, Самойловых, Загорецких, Бурцовых, Одоевских, Чернышевых и Гагариных.

Архивный фонд романа о декабристах 1870-х гг. включает двадцать две сохранившиеся рукописи, четыре из которых — конспективные записи и планы [Описание: 252–258]. Все автографы не датированы; тринадцатый имеет авторскую помету «6 мая» (1878). Большинство из них не озаглавлено, за исключением пятого — «Борисовка», одиннадцатого и двенадцатого — «Пути жизни», двадцать пятого — «1818 год. Пролог». Заглавие «Декабристы» появилось в 1884 г.

В феврале — марте 1878 г. (8–11 февраля, 4–12 марта) Толстой направился в Москву и Петербург за историческими материалами и архивными делами о переселении. «Список дел me fait venir l'eau à bouche»¹, — пишет он в конце февраля — первых числах марта В. А. Иславину, члену Совета министра государственных имуществ [Толстой. Т. 62: 392]. Уже 12 марта из столицы в Ясную Поляну были доставлены пять переселенческих дел. 14 марта писатель благодарил В. А. Иславина за ценные материалы. По его предположению, П. А. Берс мог бы отобрать в архиве Министерства государственных имуществ дела о

¹ Заставляет у меня слюнки течь (фр.).

переселении крестьян из центральных губерний в Оренбургский край и в Сибирь за 1820-е гг. В тот же день он просил Л. А. Берс разрешить П.А. Берсу заняться выполнением своего поручения.

12 апреля переселенческие дела от Иславина получил С. А. Берс. 13 апреля Иславин извещал Толстого, что подготовил для него в архиве двадцать переселенческих дел. Десять дел — за период с 1809 по 1825 гг. — он передал С. А. Берсу. Л. А. Берс переслала их по почте в Ясную Поляну. Другие десять дел Иславин оставил пока у себя, но составил к ним сопроводительный обзор. Из материалов следовало, что передвижение народа из средних губерний России на восток, в Оренбургскую и особенно в Саратовскую губернию, заметно усилилось в 1826, 1827, 1828 гг.

Толстого привлек документ о переселении крестьян из Тамбовской губернии в Оренбургский край под заголовком: «Дело по прошению Усманской округи села Крутчина однодворца Брыкина, о переселении верителей его в числе 334-х душ в Оренбургскую губернию. С 12 ноября 1815 <по> 31 дек. 1825. Всего на 85 листах» [Гессен: 217]. Речь в нем идет о крестьянах, переселяющихся из нескольких сел Тамбовской губернии, в том числе из села Излегощи. Следы отражения этого документа в тексте романа: тема переселения, совпадение времени действия (1818 год), фамилии исторического лица (Михаил Брыкин) и литературного героя (Иван Брыкин), названия села (Излегощи).

14 марта 1878 г. датируются три письма Толстого, раскрывающие разные стороны творческого процесса. А. А. Толстой: «...Весь погрузился в тот мир, в котором я живу. Надобно, чтоб не было виноватых» [Толстой. Т. 62: 397].

Брату С. Н. Толстому: «...Много занимаюсь для будущего писания» [Толстой. Т. 62: 397].

Н. Н. Страхову: «...Весь ушел в свою работу и чувствую приливы радости и восторга» [Толстой. Т. 62: 398].

Но уже 28 марта 1878 г. С. А. Толстая объявила Т. А. Кузминской о слабости и вялости мужа, о его безучастности ко всему. Толстой не может писать и работать, и это отравляет ему жизнь.

Крестьянская сходка (15 человек) весной 1818 г. возле дома Федора Резунова (первоначально — Ивана Брыкина) описана в <Третьем начале> романа (рукопись № 10) [Описание: 253–254]. Мужики — Федор Резунов, Митрий Храмков, Митрий Макарычев, старик Базыкин, Ры-

жий Влас, Иван Брыкин, печник Пелагеюшкин, Гаврюха Болхин (позже добавлен старшина) — спорят о том, пахать или не пахать отбитую у них помещиком Сомовым Грецовскую пустошь. Обстоятельства судебного разбирательства: земля отписана на помещика Сомова и подано прошение в Сенат.

Прототипами крестьян в этом начале (как и во всем романе) Толстой выбрал жителей деревни Ясная Поляна, которые были ему хорошо знакомы. Подлинно и название спорной пустоши: писатель владел деревней Грецовкой в десяти верстах от Ясной Поляны. Имя и фамилия Федора Резунова могут восходить к Федору Николаевичу Резунову (1803–1861), наиболее известному представителю рода Резуновых в первой половине XIX в. Склад его характера и наружность запечатлевает пятая глава рассказа «Поликушка»: «Резун-плотник был <...> человек высокий, черный, буйный, пьяный, смелый и особенно ловкий в спорах и толках на сходках, на базарах, с работниками, купцами, мужиками или господами» [Толстой, 2001: 143].

Сначала состав крестьянской сходки складывается иначе. По раннему варианту к Ивану Брыкину подходит сосед Митрий Храмков. Вероятно, на начальном этапе планировалось описать в этом образе Якова Андреевича Фролкова (1817–1877), исполняющего в 1850-х гг. обязанности старосты в Ясной Поляне. Тип «первого бедняка в селе» [Толстой. Т. 17: 269] Митрия Макарычева воссоздает черты Дмитрия Макаровича Макарова, старшего брата Севостиана Макаровича Макарова (1821–1898). Фигура старика Базыкина связывается с семьей Базыкиных, принадлежащей к древнейшему крестьянскому роду Зябревых. Предок Власовых — Влас Кириллович Власов (1801–1881), крестьянин Волконских, позднее Толстых. Портретная зарисовка Власа обогащается яркой деталью его внешности (Рыжий). Было: «Влас, увидав мужиков...» [Толстой. Т. 17: 269]. Позже изменено: «Рыжий Влас, увидав вилки, перешел с той стороны улицы» [Толстой. Т. 17: 269]. Спустя год, в записной книжке 1879 г. 13 марта Толстой вновь подчеркнет рыжий цвет волос крестьянина: «Влас 80 лет, горбатый, слепой, плюгавый, рыжий, длинные космы» [Толстой. Т. 48: 311].

Характер печника Пелагеюшкина отображает облик Степана Михайловича Пелагеюшкина (Полина). 30 октября 1884 г. Толстой пишет о нем Софье Андреевне с глубоким сочувствием: «Пришел старик Степан Кривой; я побеседовал с ним. Нужда, нужда мужицкая, нужда в

первых потребностях — хлеба, молока, дров и сверх того подати» [Толстой. Т. 83: 450]. 4 октября 1905 г. Д. П. Маковицкий отметил: «Меня поражает память Л. Н.: сколько он помнит и знает лиц, семей, связей семейных. Рассказывал про яснополянских Болхиных. Их деды шалили. Были очень сильные. Воровали, тащили возы в лес» [Маковицкий: 417]. В двенадцатом начале «Декабристов» (рукопись № 20) [Описание: 256–257] повествователь представляет Гаврюху Болхина «отчаянной головой» [Толстой. Т. 17: 286]. Прототип этого героя — Гавриил Ильич Болхин (1831–1885), частый фигурант на страницах дневника и записных книжек Толстого (1856, 1879, 1881); его трагическая гибель отозвалась в описании убийства «ловкого, смелого и успешного конокрада» Ивана Миронова в повести «Фальшивый купон» [Толстой. Т. 36: 22].

С образом помещика Сомова связывается развитие темы декабризма в романе. На данном этапе работы Сомов видится автору отцом будущего декабриста. Фамилию для своего героя Толстой может заимствовать у писателя Ореста Михайловича Сомова (1793–1833), занимавшего в 1824–1826 гг. должность столоначальника в правлении Российско-американской компании. Ночью 14 декабря 1825 г. он был арестован, так как жил в одном доме и близко общался с К. Ф. Рылевым и А. А. Бестужевым.

Следствием установлено, что членом тайных обществ О. М. Сомов не состоял. Выписка из «Алфавита членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года Следственной Комиссией» (1827): «Сомов, Орест Михайлов. Известный по сочинениям. Взят был по подозрению в принадлежности к Обществу и участию в мятеже, потому что жил в одном доме с Рылевым и Александром Бестужевым. Но по изысканию Комиссии оказалось, что он не участвовал ни в том, ни в другом и не знал, как о существовании Общества, так и о замыслах на 14-ое декабря. Содержался в крепости с 15-го декабря. По Высочайшему повелению, вследствие доклада Комиссии, 7 января освобожден с аттестатом» [Восстание декабристов. Материалы: 179]. «Полагаю выпустить». Такую резолюцию оставляет Николай I на полях «Записки о XIX заседании Тайного комитета 4 генваря 1826 года» возле текста: «Милосердие сие распространить и на дворянина Сомова, который также, как по исследованию оказывается, ни обществу не принадлежал и ни на Сенатской площади во время возмущения, ни в

заговоре не был» [Восстание декабристов. Документы: 234].

Заглавие «Пути жизни», важный элемент художественного решения концепции Толстого о единении дворянского героя с народом, появилось в <Четвертом начале> (рукопись № 11) [Описание: 254]. Подзаголовков «1818 год» обозначает главу или вступительную часть (пролог).

Эпиграф из Евангелия от Иоанна «Аз рек: Бози есте» подчеркивает социальный аспект романа и проясняет позицию автора: критику судебной и управленческой структур власти и сочувственное отношение к бесправному положению народа. Тридцать четвертый стих из десятой главы Евангелия от Иоанна восходит к шестому стиху восьмидесяти первого псалма, где повествуется о Божием суде над сонмом богов: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд: “Доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым? Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость; избавляйте бедного и нищего, исторгайте его из рук нечестивых!” Не знают, не разумеют, во тьме ходят! все основания земли колеблются. Я сказал: “Вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы; но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей!”».

Именем Бога представителям органов правосудия указывается, в каком случае они могут именоваться сынами Всевышнего, как бы богами: если будут по правде судить бедного и сироту и оказывать справедливость каждому угнетенному и нищему, если будут избавлять бедных и нищих от притеснений со стороны «нечестивых». «Те из органов <...> власти, которые ничего этого не разумеют и ходят во тьме, так что от их злодеяний колеблются все основания земли и все основы общежития, — все погибнут, несмотря на то, что названы богами» [Гладков: 459].

Вначале рукопись открывалась так: во время весенней пахоты 1818 г. мужики села Излегощи Орловской губернии с раннего утра собрались на работы. Старик Михайла Фоканов, возвращаясь с водопоя, куда он с внуком Тараской гонял лошадей, присоединяется к сходке у избы Ивана Брыкина. Мужики толкуют о том, что пора запахивать и начинать надо с Девкиного верху на спорной пустоши. Затем этот зачин целиком вычеркивается.

В новом зачине старик Михайла Фоканов возвращается уже с поля, куда он ходил смотреть, обсохла ли земля. В эпизоде сходки крестьяне принимают решение запахивать землю. Поворот событий поясняется

репликой Ивана Брыкина о том, что нижним земским судом пустошь утверждена за мужиками.

Работа прервалась на эпизоде утра пахотного дня. Было создано два его наброска. Первый, куда входит сцена моления старой крестьянки (жены Михайлы), оставлен автором. В центр второго выдвигается трудовая крестьянская жизнь. На стыке эскизов слева на полях продуман вероятный план развития действия: «Враг Михайлы. Наем пастуха. Делить землю. Если» [Толстой. Т. 17: 535]. Помета сделана более темными чернилами, следовательно, позднее основного текста. Она соотносится с заметкой из неопубликованного дневника яснополянского крестьянина А. Р. Бочарова, который был начат по просьбе Толстого и охватывает период с 12 апреля по 20 августа 1878 г. Среди событий 18 апреля Бочаров описывает сходку, собранную старостой возле кабака. Крестьяне говорили про пастуха; в пастухи наняли Петра Курносова за семьдесят рублей.

Заметка в дневнике А. Р. Бочарова от 18 апреля, возможно, напомнила Толстому происшествие летних месяцев 1872 г., когда бык заporол насмерть пастуха (крестьянина Матвея Афанасьева), и писатель намеревался отразить это в романе. История с быком вызвала в нем острую критику судебной системы. П. Богословский, исполняющий обязанности судебного следователя Крапивенского уезда, полагал в постановлении от 18 августа, что Толстой «может обвиняться в противозаконном деянии» по делу о «ненадлежащем содержании животных, приведших к смерти человека» [Парамонова: 301, 297]. Как вспоминает С. А. Толстая, аналогичный случай, но без судебных разбирательств, произошел в 1873 г. перед отъездом в Самару. Новый молодой бычок придавил рогами к стене отвязывавшего его скотника. «Послали за доктором, Лев Николаевич сам три дня ходил за больным, но спасти его не удалось, и скотник умер через три дня» [Толстая. Моя жизнь: 216].

В ходе итоговой правки были исключены заглавие к задумываемому роману, эпиграф, название главы или вступительной части («1818 год»).

Прототипы старика Михайлы и его внука Тараски в <Четвертом начале> «Декабристов» легко угадываются по фамилии. От крестьянина Фоки Петровича (1694–1746) происходит старейший и многочисленный крестьянский род Фокановых. Михаил Максимович Фоканов (1791–1873), крестьянин Волконских и Толстых, видимо, послужил

прообразом «богатого старика» Михайлы. Писатель оставил подлинную фамилию Фокановых и отразил приметку внешнего облика М. М. Фоканова, его хромоту. Позднее, в тринадцатом начале (рукопись № 21) [Описание: 257] будет создан портретный эскиз крестьянина: «Михайла был росту небольшого и согнутый. Лопатки у него выдавались. Видно было, что он много через силу работал. Волоса у него, пока были не бритые, прямые, густые, висели наперед, глядел он исподлобья, и нога одна была кривая. Он в молодых упал с воза и нарезался на косу» [Толстой. Т. 17: 288].

На протяжении долгих лет Толстой тепло относился к Тарасу Карповичу Фоканову (1852–1924), внуку М. М. Фоканова, одному из лучших учеников яснополянской школы шестидесятых годов. Он часто упоминается в педагогических работах, подготовленных писателем для журнала «Ясная Поляна» (1862): в статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» и в приложении «Дневник яснополянской школы за 1862 год». Под именем Тараски Резунова крестьянин выведен в рассказе «Ягоды». В последние годы жизни Толстой часто встречался и подолгу беседовал с ним, что отразилось в дневниковых записях 1909 г. После смерти писателя Т. К. Фоканов стал сторожем его могилы.

В новом сюжетном ключе спор крестьян за землю с бригадиром Сомовым показывает <Пятое начало> романа (рукопись № 12) [Описание: 254]. В марте 1818 г. в селе Маховом у дома небогатого помещика Криницына ожидают императора Александра I. Распоряжается приемом враг мужиков Сомов в блестящем отставном мундире с орденами. Два крестьянина из села Излегощи намереваются подать Александру I «просьбу» в ту минуту, как он ступит на крыльцо. Мотив подачи прошения царю будет использован и в дальнейшем. Толстой восстановит заглавие «Пути жизни» и эпиграф «Аз рек: Бози есте» (Ин 10, 34).

Описание проезда Александра I учитывает действительный исторический факт. 21 февраля 1818 г. император отбыл из Москвы в Варшаву, где 15 марта произнес речь при открытии первого Польского сейма. Затем он совершил длительное путешествие по югу России, вернувшись в Москву 1 июля [Николай Михайлович: 714].

Образ помещика на этой ступени создания произведения связывается с декабристским окружением. Из документов известно, что четверо братьев Криницыных (Криницыных) привлекались следствием по делу декабристов.

Александр Николаевич Креницын 1-й (1801–1865), поэт, прапорщик 18 егерского полка, с сентября 1812 г. воспитывался в Пажеском корпусе, откуда, за оскорбление гувернера, в июне 1820 г. переведен рядовым в 18 егерский полк; с 1823 г. — прапорщик, в 1828 г. вышел в отставку в чине подпоручика. По показанию декабриста А. С. Гангблова, состоял в обществе «квилков» в Пажеском корпусе. Комиссия установила, что членом тайных обществ декабристов А. Н. Креницын не был. «...Не принадлежал к Обществу. Об оном уведомлен главнокомандующий», — отмечено в следственном документе [Восстание декабристов. Материалы: 104].

Владимир Николаевич Креницын 2-й и Николай Николаевич Креницын 3-й, прапорщики лейб-гвардии Измайловского полка, подозревались в знании о существовании тайного общества и в намерении не присягать Николаю I. Следственный комитет оставил это без внимания: «...О Креницыных главные члены отозвались, что они не принадлежали к Обществу и о намерении на 14-е декабря не знали» [Восстание декабристов. Материалы: 104].

Павел Николаевич Креницын 4-й в 1818 г. из Пажеского корпуса выпущен корнетом в Глуховский кирасирский полк, в 1819 г. переведен в лейб-гвардии Уланский полк, в 1823 г. получил чин поручика; уволен со службы штаб-ротмистром в 1827 г. О нем приведены такие сведения: «14 декабря по Высочайшему повелению он был арестован за то, что, будучи не по форме одет, остановился на Дворцовой площади у Преображенского и Измайловского полков. Сверх того подозревался в участии в мятеже. Но по изысканию Комиссии оказалось, что он находился здесь по болезни, не принадлежал к Обществу и не знал о намерениях оного на 14-е число. По Высочайшему повелению освобожден» [Восстание декабристов. Материалы: 103].

Таким образом, с первой половины марта (после 12) по 28 марта 1878 г. могли быть написаны три начала декабристского романа, третье, четвертое и пятое. Датировать крайние хронологические пределы работы над ними позволяют указания в письмах Толстого от 14 марта к А. А. Толстой, к брату С. Н. Толстому и к Н. Н. Страхову, а также в письме С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 28 марта. На данном этапе обдумывались детали судебного разбирательства между помещиком и крестьянами, состав героев, их портретные зарисовки и повороты духовной жизни. Прототипы крестьянских образов узнаваемы в пред-

ставителях семей деревни Ясная Поляна, хорошо знакомых Толстому: Резуновых, Фролковых, Макаровых, Базыкиных, Власовых, Пелагеюшкиных, Болхиных, Фокановых. Развитие линии героя-декабриста связывалось в тот период с О. М. Сомовым, не состоявшим в тайных обществах, и с братьями Креницынами (Криницынами), привлекавшимися Следственной комиссией по делу 14 декабря. Впервые появились новое заглавие («Пути жизни») и эпиграф («Аз рек: Бози есте»), выделившие социальный срез произведения.

Мартовские автографы рождались в период тяжелого душевного состояния, пошатнувшего в Толстом стимулы не только к творчеству, но и к жизни. Муки творчества и души приоткрыты в трех его письмах от 6 апреля.

С. А. Рачинскому: «Планы есть, но для забавы — любоваться ими, но, кажется, уже нет ни сил, ни времени приводить их в исполнение. Планы одни личные <...> — спасти душу» [Толстой. Т. 62: 404].

А. А. Фету: «...Нет интереса в жизни <...> я <...> не в духе» [Толстой. Т. 62: 408].

А. А. Толстой: «...Я ничем не занят <...> и вообще думаю, что из моих начинаний ничего не выйдет <...> я, мне кажется, уж отписался» [Толстой. Т. 62: 408–409].

8 апреля С. Н. Толстому: «Я чувствую себя <...> плохим и старым» [там же, с. 412].

«А мне все приходит в голову: не напрасные ли затеи и не пора ли перестать напрягаться?» [Толстой и Страхов: 421] — спрашивает Толстого 6 апреля Н. Н. Страхов, переживающий в то время сходные чувства. «Отчего *напрягаться*? Отчего вы сказали такое слово?» — последовал живой отклик из Ясной Поляны 8 апреля. «Я очень хорошо знаю это чувство — даже теперь последнее время его испытываю». Для того чтобы творить, исполнять свою земную обязанность, писателю не доставало внутреннего стимула: толчка веры в себя, в важность дела, энергии заблуждения, земной стихии энергии, которую, по его словам, выдумать нельзя.

Толстой-художник предельно строг и требователен к себе: «...Нельзя начинать. Если станешь *напрягаться*, то будешь не естественен, не правдив, а этого нам с вами нельзя» [Толстой. Т. 62: 410–411].

Не вызывает сомнений, что богатство исторического материала об эпохе декабризма изумляло и вдохновляло Толстого. Поэтому на на-

чальном этапе тема казалась вполне решаемой. Однако предзнаменование художественной неудачи проходит лейтмотивом уже в письме к А. А. Толстой от 27 января 1878 г. Толстой сравнивает себя с поваром, который «пришел на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мясо, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед!..» [Толстой. Т. 62: 384]. С одной стороны, несомненный испытываемый им творческий подъем в обдумывании того, что и как он будет писать («обмывать провизию, раскладывать — ужасно весело!»), с другой — ощутимо некоторое смущение на подступах к работе («готовить трудно и страшно») и вкравшееся опасение ее «испортить»: «Уж как пережаришь рябчиков, потом ничем не поправишь» [Толстой. Т. 62: 384].

Список литературы

1. Восстание декабристов. Документы. Т. XVI. Журналы и докладные записки следственного комитета. М.: Наука, 1986. 399 с.
2. Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII. М.–Л.: Государственное издательство, 1925. 432 с.
3. Гессен Л. А. Работа Л. Н. Толстого над архивными материалами // Исторический архив. 1958. № 3. С. 216–218.
4. Гладков Б. И. Толкование Евангелия. Репринтное издание. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2002. 776 с.
5. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. Оттава: Университет Оттава, 2003. Т. I. 488 с.
6. Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90: в 4 кн. М.: Наука, 1979. Кн. 1. 544 с.
7. Николай Михайлович, Вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. С.-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. Т. 2. 745 с.
8. Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого. М.: Издательство АН СССР, 1955. 634 с.
9. Парамонова И. Ю. Л. Н. Толстой и «дело быка» // Яснополянский сборник-2006. Тула. С. 297–304.
10. Толстая С. А. Дневники: в 2 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. I. 608 с.
11. Толстая С. А. Моя жизнь: в 2 т. М.: Кучково поле, 2011. Т. 1. 608 с.
12. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. (Юбилейное издание). М.; Л.: Художественная литература, 1928–1958.
13. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. М.: Наука, 2000 –. Т. 4. М.: Наука, 2001. 376 с.

References

1. Vosstanie dekabristov. Dokumenty. T. XVI. Zhurnaly i dokladnye zapiski sledstvennogo komiteta [Decembrist uprising. Documentation. Vol. XVI. Journals and reports of the investigative Committee]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 399 p. (In Russ.)
2. Vosstanie dekabristov. Materialy. T. VIII [Decembrist uprising. Materials. Vol. VIII]. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1925. 432 p. (In Russ.)
3. Gessen L. A. Rabota L. N. Tolstogo nad arkhivnymi materialami [The Work of L. N. Tolstoy on archival materials]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical archives]. 1958. no 3, pp. 216–218. (In Russ.)
4. Gladkov B. I. Tolkovanie Evangeliiia [Interpretation of The Gospel]. Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra Publ., 2002. 776 p. (In Russ.)
5. L. N. Tolstoi i N. N. Strakhov. Polnoe sobranie perepiski: v 2 t. [L. N. Tolstoy and N. N. Strakhov. The complete collection of the correspondence: in 2 volumes]. Ottava, Universitet Ottava Publ., 2003. V. I. 488 p. (In Russ.)
6. Makovitskii D. P. U Tolstogo. 1904–1910. Iasnopolianskie zapiski [In Tolstoy. 1904–1910. Yasnaya Polyana notes]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 90: v 4 kn.* [Literary heritage. Vol. 90: in 4 books]. Moscow, Nauka Publ., 1979. B. 1. 544 p. (In Russ.)
7. Nikolai Mikhailovich, Vel. kn. Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovaniia: v 2 t. [Historical research experience: in 2 volumes]. S.-Peterburg, Ekspeditsiia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1912. V. 2. 745 p. (In Russ.)
8. Opisanie rukopisei khudozhestvennykh proizvedenii L. N. Tolstogo [Description of manuscripts of works of art L. N. Tolstoy]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1955. 634 p. (In Russ.)
9. Paramonova I. Iu. L. N. Tolstoi i «delo byka» [L. N. Tolstoy and «the bull's business»]. *Iasnopolianskii sbornik-2006* [Yasnaya Polyana collection-2006]. Tula, pp. 297–304. (In Russ.)
10. Tolstaia S. A. Dnevnik: v 2 t. [Diaries: in 2 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1978. V. I. 608 p. (In Russ.)
11. Tolstaia S. A. Moia zhizn': v 2 t. [My life: in 2 volumes]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011. V. 1. 608 p. (In Russ.)
12. Tolstoi L. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. (Iubileinoe izdanie) [Complete works: in 90 volumes (Anniversary edition)]. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1928–1958. (In Russ.)
13. Tolstoi L. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 100 t. [The complete works: in 100 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2000 —. V. 4. Moscow, Nauka Publ., 2001. 376 p. (In Russ.)